

Автор: Анна Хамидуллина

Короткий рассказ «Истина в вине»

Утро по обыденности состоит из горячего душа. После - чашка кофе и просмотр утренних новостей, неустанно льющихся в Телеграм-каналы и отражающих постоянно сменяющуюся позицию «вышестоящих» на проблемы правоприменения.

Неожиданно для себя я отметила, что пятнадцать лет назад в сознании юриста эти проблемы не могли занимать и малой доли.

Вдруг возникла мысль: «Сколько еще дел должно быть рассмотрено, а лет - пройдено, чтобы Закон стал совершенным?».

Отбросив эту сомнительную идею на задворки своего сознания, надев шляпу и плащ, а также схватив мой стандартный привычный чемодан с документами, я отправилась по давно известному адресу: Большая Тульская, дом 17.

- Сегодня достаточно холодно, - произнес пожилой мужчина в метро, разговаривая то ли со мной, то ли со всем вагоном.

Невольно улыбнувшись, я вышла на следующей станции, чтобы успеть купить кофе и прогуляться перед многочасовым ожиданием под дверьми зала судебных заседаний.

- Вы так поздно идете на работу? - спросил бариста, в который раз застающий меня в кофейне в одиннадцать утра.

- Да, - отвечаю я с некоторым подозрением и добавляю, - я юрист.

- Я так и думал, недалеко суд и...

- Что и? - с еще большим подозрением спрашиваю я.

- И Вы выглядите, как юрист, - робко ответил бариста.

Выйдя из кофейни, я задумалась: «Какой процент юристов, адвокатов, арбитражных управляющих окружает меня сейчас? А каждый день? Обладают ли они отличительными признаками? Насколько эти люди осознают свою значимость, а самое главное, считают ли, что они - те самые, приносящие благо супергерои?».

В зале судебного заседания было как всегда просторно и холодно. Мне предстояла задача доказать суду, что арбитражный управляющий, интересы которого я представляла, не сделал ничего противоправного, что могло бы послужить основанием для взыскания с него 90 миллионов рублей.

Не придумав позиции лучше, «противная» сторона в споре стала давить на жалость и объяснять суду, какого это - потерять 90 миллионов рублей, возможно поступивших бы в их распоряжение, действуй конкурсный управляющий иначе.

«Бред», - подумала я, и в глазах судьи увидела, что он читает мои мысли.

- Как же Вы собираетесь доказать, что сумма убытков составляет именно заявленную Вами сумму? - безучастно уточнил судья.

В его отстраненности я заметила что-то величественное и фундаментальное, истинную легкость от чувства собственной значимости.

- Мы рассчитали ее из суммы прямых причиненных убытков, - неуверенно ответила «противная» сторона.

- Вы же заявляете сумму возможного потенциального дохода, при чем тут тогда сумма прямых убытков, рассчитанных Вами по неизвестным нам сведениям?! - воскликнула я, обращаясь к стороне.

Видимо к этому моменту я и сама пропиталась настроением судьи, поскольку мой оппонент засомневался сильнее прежнего.

- Возможно она и меньше заявленной, но точно не меньше 80 миллионов, - угрюмо ответил он.

Как и ожидалось, суд отложил заседание и предложил сторонам рассмотреть вопрос о назначении оценочной экспертизы.

Выйдя из зала судебного заседания, я услышала за собой шаги и почувствовала, что моего плеча коснулась рука. «Снова эта противная сторона» - подумала я и обернулась, утвердившись в своих догадках.

- Вы не знаете, какие убытки мы несем из-за Ваших действий! Мы все люди определенного круга и не можем себе позволить такой беспредел! - завопил он.

- Думаю, четвертого круга, если Вы подразумеваете, конечно, круги ада? - учтиво добавила я и скрылась в лестничных пролетах.

В тот же день, ужиная со своим товарищем, а по совместительству - хирургом в местной городской больнице – Николаем Останкиным, я задалась вопросом: «А мы, юристы, лечим, как врачи, или калечим, как чернокнижники?».

- Как ты думаешь, Коль, юристы - профессия избранных? - спросила я.

На секунду мне показалось, что вопрос прозвучал риторически, но я тут же получила ответ.

- Не уверен, что избранных, но точно не прокаженных, - ответил он, доедая свой овощной салат.

Действительно, прокаженной я себя никогда не считала.

Я посмотрела на него, читая заинтригованность в расплывающейся по всему лицу улыбке, и решила продолжить, чтобы подтвердить его догадки.

- У меня было дело, где приходилось доказывать суду, что имущество добросовестно реализовано конкурсным управляющим по цене 3,3 миллиарда рублей, а выдуманные кредиторами фразы наподобие: «ну можно было продать и за 6 миллиардов рублей» - чушь собачья.

- Не переживай, все хотят получить больше, чем уже имеют.

- Точно, - ответила я, смотря на свой пустой бокал вина и приняла решение заказать еще один.

Ночь опускалась на город стремительно, с той же величественностью, с которой судья рассматривает дело, а юристы выходят из зала судебного заседания после выигранного дела.

Звезды рассыпались по небу, словно предвестники множества грядущих дел, издали сверкающих своей значимостью и таинственностью.

Сотни людей, вяло перемещающихся или активно стремящихся к своей ближайшей цели, сливаются в единую толпу, олицетворяющую участников этих дел. Тех, которые, казалось бы, еще где-то за горизонтом, где-то в небе, а на самом деле так близко, что подпрыгни – и коснешься рукой.

Весь мир – большая процедура банкротства, скрывающая в себе великие тайны и неожиданные столкновения, но приводящая ко вполне предсказуемому финалу.

«Приветствую! У нас сегодня встреча с генеральным директором, ты не забыла?» - первое, что я увидела после пробуждения.

«Еще даже не выпила кофе...» - с досадой подумала я, но сразу же ответила, что о таких вещах никогда не забываю.

Прибыв на встречу, я была приятно удивлена: высокий молодой мужчина принес нам огромное количество коробок с документами! Даже не знаю, что приятнее: красивые мужчины или переданные добровольно документы должника.

- Вы наш временный управляющий, - заговорил мужчина, обращаясь к моему боссу, - я прочитал в определении, что должен передать вам документы и вот...

- Отлично, - неожиданно для себя воскликнула я, оживившись от такого прекрасного начала дня, и принялась проверять документы.

- Знаете, я все делал добросовестно, старался вовремя оплачивать все долги, но сейчас... Сейчас я даже не могу оплатить людям зарплату. Они работают только потому, что верят мне... - с глубочайшей тоской пробормотал наш гость.

В кабинете будто наступила стерильная тишина, и даже звук шуршащей бумаги, возникающий в процессе проверки принимаемых документов, не смог ее нарушить. У меня возникло чувство, что меня заперли в вакууме моих собственных мыслей и страхов, окружив мой вакуум страхами других присутствующих в этой комнате лиц.

Мы с боссом приняли гениальное в своем безумии решение: помочь страждущим. И помогли.

Позднее, словно мы герои тех самых фильмов, где доблестные следователи «празднуют» раскрытие сложного дела, мы с боссом решили сменить привычную обстановку офиса на не менее привычную обстановку барной стойки.

- Забавно все вышло, мы могли продать все имущество и получить деньги, а в итоге помогли экономике страны не потерять налогоплательщика и источник дохода. Ха, в тяжелое время живем, - пробормотал он и, закинув голову, с удовольствием и некоторой досадой допил свой виски.

- Мы помогли в первую очередь людям, - довольно решительно ответила я, но пить уже не хотелось.

Лечим или калечим? Приносим блага или забираем их? Я никак не могла уснуть от мучившей меня жажды. Жажды получить ответ на вопрос: я - палач или лекарь?

На следующее утро мне позвонил незнакомый номер. До недавнего времени я занимала достаточно любопытную позицию: все люди, звонящие с незнакомых номеров, хотят от меня что-то, что я не могу или не хочу им дать. Ведь если номер не записан, значит я не хотела, чтобы он был записан.

Однако в этот раз, ответив, по голосу я узнала того самого генерального директора, в своей робкой и взволнованной манере одаривающего меня благодарностями и комплиментами за то, что помогли ему справиться с временными трудностями и восстановить не только платежеспособность компании, но и честь ее руководителя.

Вероятно, я для него не палач. Утро началось хорошо.

Однако, уже через время мне довелось убедиться и в обратном мнении.

- Добрый день. Я Сергей Игнатов.

Передо мной стоял высокий широкоплечий мужчина средних лет. Внешний вид его кричал о том, что моя помощь может заключаться лишь в дружеском совете: куда лучше вложить заработанный капитал.

- Мне много рассказывали о процедуре банкротства, и я решил обратиться к Вам и стать банкротом, - не отводя взгляда добавил он.

Я немного смутилась от его стремления, но, не подав виду, ответила:

- Понимаю, тогда мне нужны документы, указанные в перечне.

- Я их принесу, но мне важно, чтобы все имущество осталось за мной: не оспаривайте сделки, не лезьте глубоко в мои движения по счету. Я заплачу.

- Выгодная сделка, если конечная цель – получить срок, - с некоторой долей сарказма отметила я, осознавая, какую сделку мне предлагают.

- Шарлатаны.

Удивительный диалог, с которым сталкиваются арбитражные управляющие.

Время измеряется течением мыслей. Мысль о моральной стороне моей работы покинула меня до очередного бокала вина с Марией (моей подругой, а еще жуткой сплетницей), когда мы обедали в одном из заведений, где подают отличные тосты.

- Ты знала, что Игнатов теперь банкрот? – прошептала она так тихо, словно тот самый Игнатов сидел за моей спиной.

- Кто такой Игнатов? – спросила я шепотом, наклонившись к ней ближе.

- Ну тот, который приходил к тебе, Сергей! - радостно и звонко ответила она, словно играет со мной в веселую игру, о которой меня не предупредила.

- Верно, Игнатов... - задумчиво протянула я и откинулась на спинку стула, - и кто же этот «счастливый» управляющий?

- Не знаю, он вроде из новеньких.

Мария всегда отличалась умением переходить с темы на тему без особого интереса к каждой из них. Я же всерьез задумалась и ждала момента, чтобы всё разузнать подробно.

Вернувшись домой, я с удивлением обнаружила, что этим новичком был тот самый робкий генеральный директор. И когда он успел?

In vino veritas...

«Наверное, недостаточно пьет вина», - подумала я и крепко уснула.